

М. А. Киселев
*Уральский федеральный университет
имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН*

ЦАРЬ И «ОБЩЕЕ БЛАГО» В РОССИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА¹

Аннотация. В статье рассматривается вопрос бытования на официальном уровне в России в царствование Царя Алексея Михайловича (1645–1676) понятия «общее благо» в связи с рассуждениями об обязанностях правителя государства. Показывается, что хотя выражение «общее благо», как правило, связывают с идеологией Петра I, оно в Московском царстве фиксируется уже на официальном уровне в 1660-е гг. и используется при описании обязанностей Царя. Источником рассуждений о Царе как об «общем благе» и его обязанности быть благодетелем для подданных было византийское законодательство.

Ключевые слова: Алексей Михайлович, общее благо, Московское царство, Кормчая книга, Синтагма Матвея Властаря.

В историографии, когда заходит речь об активном упоминании в России на официальном уровне понятия «общее

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда. Проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея “Общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)».

благо» в связи с обязанностями правителя государства, исследователи концентрируют свое внимание, прежде всего, на царствовании Петра I. При этом в качестве отправной точки нередко рассматривается манифест о вывозе иностранцев в Россию 1702 г., хотя в реальности в этом законодательном акте отсутствовало выражение «общее благо» [7]. Кроме того, иногда указывают на соборное деяние об отмене местничества 1682 г., где, согласно Л. А. Черной, «прозвучала мысль о достижении “общего блага” как высшей цели самодержавного правления». Что же до времени Алексея Михайловича, то Л. А. Черная лишь отмечает, что придворный интеллектуал «Симеон Полоцкий в своих многочисленных панегириках Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу начинает осторожно поучать монарха, подсказывая ему пути укрепления своей власти за счет отдельных благодеяний для своих “рабов”, которые сторицей отплатят за царскую любовь. Царь не должен быть тираном, должен заботиться не только о своем благо». В то же время исследователь указывал, что «идея служения государю доведена в творчестве Симеона Полоцкого до апогея» и что, «рассуждая о человеке, он никогда не упускал из виду, что любой человек его времени – это подданный, раб Царя. Он всегда имел в виду совершенствование личности с целью лучшего служения монарху» [18, с. 34, 32–33].

Итак, складывается впечатление, что при Царе Алексее Михайловиче господствовали патримониальные представления о власти Царя, ставившие в центр внимания его

личные интересы, и когда можно было лишь «осторожно поучать», что Царь «должен заботиться не только о своем благе». С этой точки зрения рассуждения об «общем благе» в петровское время выглядят действительно как разрыв с предшествующей традицией. Однако, возможно, проблема заключается в том, какие источники историки привлекают при рассмотрении «общего блага» – как понятия в целом, так и конкретного выражения в частности. Л. Н. Пушкарев отмечал, что «характерной особенностью общественно-политической мысли первой четверти XVIII в. было появление обширных предисловий поучительного содержания к различным правительственным указам – явление, совершенно чуждое XVII веку» [14, с. 270]. Действительно, преамбулы к петровскому законодательству дают богатый материал для истории представлений о власти, где немалое место будет отводиться понятию «общего блага» (как правило, с помощью выражений «всеобщая польза» / «государственная польза»). Их отсутствие в XVII в., пусть и не такое радикальное, как это утверждал Л. Н. Пушкарев, означает, что надо искать другие источники, которые могут дать дополнительные сведения об «общем благе» в представлениях о власти допетровского времени. Соответственно, в настоящей работе предполагается рассмотреть, как выражение «общее благо» использовалось в рассуждениях о Царе и его власти. При этом надо учесть, что при Алексее Михайловиче секулярные представления о власти еще не получили такого развития, как это будет в XVIII в. Представления о царской власти опи-

рались в значительной мере на религиозные тексты православной традиции, а известный конфликт Царя Алексея Михайловича и патриарха Никона в том числе обострил вопрос о Царе и его власти, так что логичным будет обращение к текстам, связанным с церковной проблематикой.

Прежде всего, следует рассмотреть деяние Московского собора 1660 г., принятое 14 августа. Дело в том, что именно в нем при решении проблемы лишения сана патриарха Никона задавался вопрос о том, «кому изрядне пещися и опасно тщатися подобает» о «Боголепом благочинии церковном». При ответе на него было заявлено следующее: «Понеже яко царство есть раздаяние чина, по Божественному во святых Дионисию Ареопагиту, сице глаголющу: царство же устава и красоты и закона и чина раздаяние. Тако Царь Боговенчанный, паче же благочестивый, православный и христолюбивый есть благочинный раздаватель чина, ему яко благочинному чина раздавателю, о благочинии церковном, и Боголепом православная церкве апостольския благостроении же и правлении опасно пещися и тщатися всегда подобает» [5, с. 95]. Итак, Царь со ссылкой на приписываемое св. Дионисию Ареопагиту сочинение «О Божественных именах», а точнее – на его 12 главу¹, рассматривался как гарант «чина», т. е. должного порядка. Не ограничившись этим, собор указывал, что «закон градский», а точнее – «от законныя книги Василия,

¹ Перевод сочинения «О Божественных именах» был известен на Руси с XV в. и в том числе был включен в середине XVI в. в Великий Минеи Чети митрополита Макария. В них фрагмент из 12 главы, названной «О Святем святых, о Царе Царей о Господе господем, о Бозе богом», выглядел так: «Царство же, еже всякого предела и утвари и устава и чина раздание [есть]» [4, стб. 605].

Константина и Леона, от 1 титлы, глав[изны] 9», «глаголет: Царь есть законное надстоятельство, общее благо всем послушливым, ниже по пристрастию благотворя, ниже по противострастию злотворя. Оному яко общему всех благу не точию о благочинии церковном церковном, и опасное о Боголепном православныя церкви Христовы благостроении попечение творити, но и во общую спасаемых душ православных ползу... Богоугодно священный собор созывать подобает» [5, с. 95].

Данный фрагмент о *Царе* и *общем благе*, представлявший собой перевод первой главы второго титула византийского памятника права IX в. Исагоги, был известен уже в Московском государстве первой половины XVI в. Его появление было связано с активной идейной рефлексией о *Царе* и *царстве*, настоящим, по выражению Д. М. Буланина, «идеологическим строительством “священного царства”», шедшим в то время [3, с. 101–102]. В переводе того времени были представлены не одна, а четыре главы из второго титула. В некоторых русских рукописях перевод не имел заголовка, а в некоторых приписывался «Сократу мудрецу еллинскому». Источником для перевода был другой памятник византийского права XIV в. – Синтагма Матвея Властаря, где были помещены в главе о Царе нормы из Исагоги. Текст начинается вопросом «Что есть Царь?», на который давался ответ: «Царь есть законное надстояние, общее благо всем подручникъм, ниже по пристрастию благотворя, ниже казня, но противу подвластных добродетелем, яко некий подвигоположник,

почести равно подая, ниже новая благодееания в вред иных неким дарует». Следом шел вопрос «Кый смысл есть Царю?» и ответ: «Смысл Царю есть сущих убо сил благодееанию съблюденіе и опашеніе, погыбших же бодреным прилежаниемъ въсприятіе, а не сущих мудростію и праведными нравами и прилежаниемъ приобретеніе. Конеч же Царю есть, еже благо творити, сего ради благодетель глаголется, и егда благо творити престанет, видится по древних ложен творити царскыи образъ» [9, с. 363–366].

Однако все же в соборном деянии от 14 августа 1660 г. суждение о Царе как общем благе было помещено не со ссылкой на Синтагму Матвея Властаря и тем более не на «Сократа мудреца», а со ссылкой именно на «закон градский» византийских Императоров. Здесь следует отметить, что преамбула Соборного уложения 1649 г. открывалась заявлением о решении Алексея Михайловича: «которые статьи написаны в правилах святых апостол и святых отец и в градцких законах греческих Царей, а пристойны те статьи к государственным и к земским делам, и те б статьи выписать», и лишь после этого шло указание на законодательные акты «прежних Великих Государей Царей и Великих Князей российских... указы и боярские приговоры». Целью же определялось установление справедливого суда («суд и росправа была во всяких делех всем равна») [16, с. 17]. Кроме того, при подготовке печатной Кормчей, вышедшей в Москве в 1653 г., «издатели постарались включить все известные в славянской традиции законодательные тексты византийских Императоров» [2, с. 249].

В послесловии к ней («Описание книги сей...») заявлялось, что Алексей Михайлович – «мудрокормный кормчий, и великоразумный хитрец, содержаи престол Великия Руси» – «восхоте к своему хитрому и мудрокормному кормчеству царствия своего, к лучшему и изряднейшему правлению новому Израилю, не от Египта бежашу, но от лютаго греха, и сие духовное кормничество предати, якоже второй Моисей со Аароном, глаголю же Святейшим великим Иосифом патриархом Московским и всея Руси, от Бога испросив, и начертав преже перстом Божиим, на скрижалях сердца своего, потом и типографством издаде на отсечение злобы» [8, л. 642 об.–643].

Таким образом, в Московском царстве середины XVII в. на официальном уровне признавался высокий статус византийского законодательства в иерархии нормативных актов: его помещали сразу после правил «святых апостол и святых отец». Можно говорить о его своеобразном полусакральном / полуцерковном статусе. Последний означал, что в делах светских «градские законы греческих Царей» могут применяться лишь опосредованно. В то же время для богословской проблематики, к которой в значительной степени относились вопросы о Царе и царской власти, такие законы вполне имели нормативный статус, что и отразилось в соборном деянии от 14 августа 1660 г.

Данный статус работал и на интерес к законодательству «греческих Царей», что привело к переводу при Алексее Михайловиче всей Исагоги. Еще в 1653/54 г. патриарх Никон высказал желание о переводе сборника, содержа-

щего «Богодухновенных отцев канони и благочестивых Цареи градстии закони». Перевод был осуществлен известным западнорусским интеллектуалом Епифанием Славинецким, однако рукопись с переводом потерялась во время эпидемии чумы 1654–1655 гг. Епифаний, по настоянию опять же патриарха Никона, выполнил повторный перевод, который впоследствии в 1674/75 г. был прочитан патриархом Иоакимом, после чего Епифанием были внесены правки. Итоговая беловая рукопись была подготовлена уже после смерти Епифания в 1676 г., в царствование Федора Алексеевича. В переводе сборника, выполненном Епифанием Славинецким, была и Исагога [13, с. 298–299; 1]. Соответственно, русский читатель мог прочесть в нем первую и третью главы ее второго титула «О Царе»: «Царь есть законное настоятельство, общее благое всем послушным, ниже по противострастию томляя (злотворя), ниже по пристрастию благотворя, но възсловный некий подвигоположник, изравна почести (натрижения) подавая... Конец Царю благодетельствовати, тем же и благодетель глаголется, егда благодетельства изнеможет, мнится, тлети, по ветхым, царский характер» [11, л. 547 об.].

В связи с сомнениями о деле патриарха Никона от имени Алексея Михайловича четырем вселенским патриархам был направлен ряд вопросов, первый из которых касался царской власти: «Что есть Царь?» В 1663 г. вселенские патриархи подготовили ответы. Ответ на первый вопрос был основан на тексте из «великия книги, яже Правильная велиа Церкви», т. е. из Синтагмы Матвея Властаря

[15, с. 64–68], где, как отмечалось, в вопросе о Царе воспроизводились нормы из Исагоги. Итак, сперва приводилась следующая цитата из Синтагмы, которая в переводе звучала так: «Царь есть законно начальство, общее благое всем подданным, ниже благая всем подданным, ниже благая действуя по склонению сердечному, ниже наказуя по противному сердца своего намерению или страсти, но средственне благостем подданных творяй равно дары, по подобию некоего мздовоздаятель, ниже давая дары туне в убыток неких». Этой норме от имени патриархов давалось такое толкование: «Царю подобает, яко главе всех и началу, быти благодетелю на вся страны ему подлежащая, ниже склонением сердца одолеваему ко благотворению непричастным благостей, ниже к злотворению достойным чести... но яко служить правде, презирая всякую страсть». После этого шла следующая цитата из Синтагмы: «Намерение Цареви есть вещей и стяжания со благостию хранение и опасение... Конец Цареви есть благотворити, и сего ради благодетель нарицается превыспрностью; чуждаяся же благотворения, видится низлагати против древних Царский образ. Высокому сего ради подобает быти Царю и Божиею ревностию преславнейшему». Для нее было написано такое толкование: «Царь есть Господь всех; зане приемлют от него вси подданные дары, наказания же киими образом противящиеся ему» [17, с. 86–87].

Отметим, что переводы Синтагмы Матвея Властаря стали распространяться в России в XVII в. [10], так что действительно в главе «О Цари» русский читатель мог

прочитать соответствующие нормы, восходящие к Исагоге: «Царь есть законное предстательство, обще блго всем послушником. Ниже по пристрастию блготворя, ниже с противно страстие муча, но против когождо добродетели от обладаемых, яко же некий подвигоположник почести равно подавая, а нетъщая благодееания напред другим неким даруя. Мысль есть Царю пребывающих же и сущих сил блгостию хранение... Конец Царю еже блгодеати, тем же и благодееатель глаголется, и егда от благодееания изнеможет, мнится погубивша, по древних, царское начертание» [12, л. 49]. Однако помещение этих норм в ответ четырех вселенских патриархов, стоит полагать, придавал им дополнительную весомость, а комментарий служил их большему пониманию.

Приведенные выше материалы вполне вписываются в логику процесса, который В. М. Живов и Б. А. Успенский определили как «византинизация русской культуры» при Алексее Михайловиче [6, с. 228–228]. В. М. Живов и Б. А. Успенский делали акцент на росте сакрализации Царя в ходе «византинизации». Однако тексты правовой византийской традиции, восходившие к Исагоге и циркулировавшие в царствование Алексея Михайловича, содержали также суждения о Царе как гаранте справедливости, соблюдение которой превращало его в «общее благо» для подданных. Более того, Царь должен быть источником благодеяний для подданных, их *благодетелем*, без чего он оказывался *разрушителем* «царского образа». С учетом как полусакрального статуса византийского законодатель-

ства, так и помещения цитат из него в тексты, освящаемые авторитетом православной церкви, такие представления об «общем благе» вполне можно рассматривать как часть официальной идеологии в царствование Алексея Михайловича.

Список источников и литературы

1. *Белякова Е. В.* К вопросу о переводе «Арменопула» на славянский язык в XVII в. // Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия. Вып. 3. – М., 2023.

2. *Белякова Е. В., Мошкова Л. В., Опарина Т. А.* Кормчая книга: от рукописной традиции к печатному изданию. – М.; СПб., 2017.

3. *Буланин Д. М.* Первые московские опыты в жанре «княжеского зеркала» // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. – 2021. – № 3 (15).

4. Великия Минеи Четии. Октябрь, дни 1–3. – СПб., 1870.

5. Дело о патриархе Никоне. – СПб., 1897.

6. *Живов В. М., Успенский Б. А.* Царь и Бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М., 1996.

7. *Киселев М. А.* Провозглашая «всеобщее благо»? Манифест Петра I о вызове иностранцев в Россию 1702 г.: историографические и эдиционные аспекты // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. – М., 2023.

8. Кормчая. – М., 1653.

9. *Корогодина М. В.* Кормчие книги XIV – первой половины XVII века. Т. 1. – СПб., 2017.

10. *Корогодина М. В.* Синтагма Матфея Властаря в России в XVII в. и Епифаний Славинецкий // Каптеревские чтения – 10. – М., 2012.

11. ОР ГИМ. Син. 129.

12. ОР ГИМ. Син. 155.

13. Предисловие на книгу... Арменопола // Корогодина М. В. Памятники церковного права в рукописях Библиотеки Российской академии наук XV – начала XX века. – М., СПб., 2020.

14. *Пушкарев Л. Н.* Общественно-политическая мысль России (вторая половина XVII в.). – М., 1982.

15. *Скрипкина Е. В.* «Алфавитная Синтагма» Матфея Властаря как источник по истории церковно-государственных отношений во второй половине XVII в. // Вестник Томского государственного университета. История. – 2012. – № 3 (19).

16. Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарии. – Л., 1987.

17. Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 4. – М., 1826.

18. *Черная Л. А.* От идеи «служения государю» к идее «служения Отечеству» в русской общественной мысли второй половины XVII – начала XVIII в. // Общественная мысль: исследования и публикации. Вып. I. – М., 1989.